

Александр Феодосьевич Бестужев

**Лета вступления в
училище**

Александр Феодосьевич Бестужев

Лета вступления в училище

Серия «О воспитании», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4618101

Аннотация

«Воспитать, научить дитя, открыть разум его – значит помогать делать ему испытания, сообщать те, которые приобрели сами, впускать понятия, мнения, самим себе составленные. Испытание превосходное или разум, более очищенный наставниками, есть следствие их примера и удобства отроческих лет, во время которых приемлемые впечатления учиняются неизгладимыми. Любовь к отечеству, уважение к начальству, почтение, отдаваемое ученым, и проч. основаны суть на опыте, извлеченном от сих предметов, внимание наше на себя обращающих...»

Александр Феодосьевич Бестужев

Лета вступления в училище

Воспитать, научить дитя, открыть разум его – значит помогать делать ему испытания, сообщать те, которые приобрели сами, впускать понятия, мнения, самим себе составленные. Испытание превосходное или разум, более очищенный наставниками, есть следствие их примера и удобства отроческих лет, во время которых приемлемые впечатления учиняются неизгладимыми. Любовь к отечеству, уважение к начальству, почтение, отдаваемое ученым, и проч. основаны суть на опыте, извлеченном от сих предметов, внимание наше на себя обращавших.

Человек становится таковым, каков он есть, или действием собственных своих испытаний, или от других оные получая; воспитание его образует. Из глыбы, способной только к чувству, из состава, едва оживленного, он при помощи образования становится; мало-помалу существом опытованным, истину познающим и, смотря по членосоставлению, каким первоначальная материя его определила, являющим впоследствии более или менее разума.

Во время детства человек утверждается в привычках добрых или злых, то есть в действиях полезных или вредных как

для самого себя, так и для прочих.

Вначале младенец с великим трудом ходить научается, но по силе упражнений ног своих приобретает навык, удобно ходит, останавливается, когда путь ему преграждают. В самом нежном младенчестве человек произносит крик или невнятные звуки, но понемногу навыкающий язык выговаривает слова и потом научается в скорости их сообщать.

Следственно, в воспитании и в нравовучении понятия наши суть не что иное, как действие навыка. Есть-ли наставники сообщают питомцам своим познания истинные и есть-ли сии познания соглашены с опытом, то воспитанники получают понятия здравые и в привычках пристойных утвердятся; когда же познания их лживы, то состав, приемый детьми из чаши заблуждения, претворит их в злых и безрассудных.

Мнения людей не иное что значат, как соединение истинных или ложных понятий, учинившихся для них обыкновенными по силе повторения оных в их мозге. Есть-ли с детства приметится, что понятие о добродетели приложено к понятию безвредных удовольствий, к истинному счастью, к должному уважению и почитанию; есть-ли развратные примеры не опровергнули впоследствии сие счастливое соединение понятий, то можно твердо увериться, что дитя, наученное таким образом, соделается честным человеком, почтенным гражданином. Когда же от самой нежной младости человек, заимствуя от воспитателей своих понятия, будет счастье свое полагать в породе, в богатстве, в нарядах,

то удивительно ли, что он делается тщеславным, сребролюбивым, гордым?

Сам разум есть не иное что, как привычка судить о вещах здраво и вскорости разбирать, что соответственно или что противно нашему благосостоянию. То, что называется *побуждение нравственное*, есть способность с поспешностию и безостановочно судить о всем, взору нашему представляющемся. Сие побуждение, или скорость суждения, происходит от привычки, приобретенной частым употреблением. В физическом нашем состоянии мы устремлены побуждением нашим к предметам, кои в состоянии произвести удовольствие нашим чувствам; в нравоучении, напротив того, мы примечаем скорое чувство почтения, удивления, любви к деяниям добродетельным и отвращение к бесчестным, которых уклонение от истинного правила мы познаем при первом на них взгляде.

Скорость, с каковою сие побуждение, или нравственное *ощущение*, производится в действо людьми просвещенными и добродетельными, заставила многих моралистов думать, что способность сия нераздельна от человека и при рождении им с собою приносимая; как в сущности оно не что иное есть, как плод рассуждения, привычки, научения показывающего, как с выгодою должно употреблять естественные наши расположения, внушающего чувствования, какие мы иметь должны. В нравоучении, так как и в художествах, вкус, или способность хорошо судить о изящностях произведений лю-

дей, есть искусство, приобретенное наукою, большей части людей, однако, вовсе не известное. Человек без учения, дикий, простолюдин, не имеет ни побуждения, ни нравственного вкуса, о которых мы говорим; он судит, вообще сказать, весьма худо; чернь одобряет иногда самые великие преступления героев и победителей и творящих самые наглые насилия, неправосудия провозглашает великими людьми. В нравовучении рассуждение и привычка научают нас здраво и поспешно судить и быстрым мгновением ока обнимать красоту и безобразие деяний человеческих. Человек, тогда только почитается умным и рассудительным, когда избирает истинные средства к доставлению себе своего счастья; он неблагоприятен, несмыслен, невежда, если берет противную сторону.

Удовольствия человека тогда не противоречат здравому рассуждению, если споспешествуют к доставлению ему благосостояния твердого, предпочитаемого наслаждениям преходящим. Действия в человеке навсегда суть рассудительны, если способствуют приобретению существенного блага, на вреде других не основанного. Человек, предводительствуемый разумом, не хочет, не желает, не творит иного, кроме истинно полезного; не теряет никогда из виду того, чем он себе и существам, живущим с ним в обществе, обязан. Вся жизнь общежительного существа должна быть сопровождаема беспрестанным как на себя, так и на прочих вниманием.

Сии рассуждения, равно как и прежде предложенные, заставляют нас восчувствовать всю важность доброго воспитания; оно единое может образовать существа разумные, силою навыка добродетельные, удобные соделать собственное свое счастье и споспешествовать благополучию других. Мнения, желания, страсти, пользы, понятия о добре и зле, о чести и бесчестии, о пороке и добродетели мы приобретаем сперва воспитанием, потом утверждаем оные обхождением. Если сии понятия верны, согласены с опытом и рассудком, мы становимся существами рассудительными, честными, добродетельными; если же они лживы, если ум наш исполнен заблуждений и предрассудков, мы становимся нерассудительны, не способны ни к своему, ни к взаимному с прочими благосостоянию.

Следственно, во время детства истинное воспитание может положить твердое основание и прочность свою; и потому тщетный бы прилагали труд, если б желали утвердить в правилах воспитания такового, который вступил уже в юношеские или совершенные лета.

Дети должны вступать в училище от пяти до семи лет возраста. Но если возразят: для чего так рано начинать учение? Не можно ли преподавать оное лучше в летах более зрелых? То можно спросить равно: какие ж будут те правила и можно ль дать предполагаемое направление, когда дети доле останутся в домашнем закоренении, усиливающим ложные правила? Не увидим ли их самих собою нечувстви-

тельно претворяющихся в своенравных, лживых и опасных? Если скажут, что из детей, принимаемых и в зрелых уже летах, выходит довольно число благодетельных, благовоспитанных и наученных, и из того заключат, что принятый метод предпочтительнее всякого нового введения, но сие заключение будет несправедливо, хотя многими и одобряемо. Такие случайные успехи происходят не оттого, что метод установления хорош, но приписать должно оные качествам и дарованиям воспитывающихся, что оные были бы еще знатнее, если бы приняты были правила воспитания более верные и более сходные с природою как в рассуждения учения, так и принятия детей в означенные лета. Читатель может представить себе опыты, чинимые новейшими естествоиспытателями для познания силы растений. Он увидит, что почки груш, яблоней и проч. покрываются толстыми слоями воску, но растительная сила пробивается сквозь толстую сию обмазку; что почки крепкие, невзирая на препоны, разворачиваются и расцветают подобно тем, кои бывають оставлены природе, хотя несколько и позже, но почки слабые и худо образованные остаются навсегда под оболочкою. Вот изображение принятых правил и следствие, из оных проистекающее.

Мы видим большую часть детей, имеющих семь лет от рождения, потерявших уже в кривизнах заблуждения; видим детей, принимаемых в училище 10, 12, 14 лет и более, кои, не получивши воспитания при начале, не только с великим трудом исправляются, но и вовсе без исправления

остаются, ибо пороки их учинились им привычкою. Многие из них, бывши развращены, возмущают беспрестанно учителей, а примерами своими и, что всего более, своими вредоносными советами портят безвозвратно большую часть своих сотоварищей. Мы прежде сказали, что человек от природы не имеет никакого решительного расположения ни к добродетели, ни к пороку; но воспитанием и учением открываются в нем начала добродетелей, и они-то направляют его к совершенству, тщательно истребляя начало порока. Когда ж воспитание юноши имело нерадивое и погрешительное смотрение, когда дана была полная свобода его склонностям, принявшим глубокое впечатление и учинившимся как бы природными, тогда невозможно уже преодолеть оные. Сгиб, крепко на материи изобразившийся, никогда не изгладится, и материя прежнего виду своего не получит. И потому на что предаваться опасности, для чего не стараться направить юношество на стезю истины начиная с таких лет, когда можно оную учинить удобною и чистейшею, а особливо если она открываема будет учреждениями постоянными, путеводителем мудрым и просвещенным. В прежних рассуждениях было говорено о воспитании домашнем, о невозможностях иметь оно, разве стекутся все к тому споспешествующие обстоятельства; о воспитании общественном, о его преимуществах над домашним и пользах, каковыя отечество может от него ожидать, если оно применено к свойству и духу народному; о благородстве, о качествах оно, о вредном на-

правлении большей части благородных к самомнению о своем происхождении; о правилах, каковыми им быть должно и какие их обязанности в отношении к государю и обществу; о главных попечителях воспитания, о нужде иметь достойных надзирателей, наставников, какие свойства их, как их избирать и что без таковых надзирателей и наставников при самых совершенных учреждениях никакого успеха от воспитываемого юношества ожидать не можно; что если воспитание состоять будет в одних науках, к званию токмо каждого относящихся, то сие не есть воспитание, а собственно, так сказать, школьное учение; что истинное воспитание состоит в соединении сих наук с истинным просвещением, в направлении молодых людей к общему предмету *любви отечества*, в произведении *нравственного и народного характера* и, наконец, о летах вступления в училище. Теперь следует приступить к самым правилам нравственности, или той цели, которой мы хотим достигнуть; но прежде, нежели начнем исследовать средства, ведущие к нравственному воспитанию¹, определим цель сию, да путь наш соделается чрез то

¹ Что принадлежит до воспитания физического, то нельзя лучше заимствовать оного, как из Уст. сухо. Кад. корпуса и из Собрания учреждений касательно воспит. в России обоего пола благород. и мещане, юношества. – Имел целию нравственное воспитание, которое столько же необходимо, как физическое и ученое, мы займемся оным как теперь, так и впоследствии сего издания; и поелику, судя по известным на российском языке творениям, сей предмет совершенно нов и для употребления удобен, то он распространяем будет здесь столько, сколько важность оного заслуживает. В рассуждении же ученого скажем на своем месте вкратце.

удобным и надежным.